

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-13-21>

УДК 94(479)«18»

© 2023

Т.Ч. Джабаева

Особенности феодально-крепостнических отношений у народов Северного Кавказа в первой половине XIX века

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Российская Федерация

Аннотация

Первая половина XIX в. является периодом, когда Северный Кавказ постепенно входит в струю социально-экономического и политического развития Российской империи.

Глубокий анализ особенностей феодально-крепостнических отношений на Северном Кавказе очень важен и актуален для исторической науки, так как он объясняет возникновение проблем и противоречий в период вхождения данных регионов в состав Российской империи, осуществления крестьянской реформы, образования на этих землях российской администрации, изменение судебной системы.

В подготовке и в процессе интеграции Северного Кавказа в российское правовое поле участвовали все звенья кавказской администрации. Основной целью исследования являются: определение значимости социального вопроса в условиях этнического составляющего региона, исследование социально-экономических и земельных отношений на Северном Кавказе, характеристика социальной структуры обществ.

В процессе исследовательской работы над статьей были использованы методы сравнительно-исторического анализа, синтеза и обобщения, а также принцип объективности и историзма, предоставивший возможность проанализировать различные эпизоды и явления с исторической точки зрения.

Результаты исследования заключаются в том, что в статье прослежен процесс сбора сведений об истории возникновения и развития феодальных отношений в регионе, определена специфика земельно-правовых норм, их сложность и запутанность, обуславливающая существующую социальную структуру обществ. Выводы: определено значение адаптации населения к новым политическим условиям для дальнейшего подъема уровня социально-экономического развития обществ Северного Кавказа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, социальная структура, зависимые сословия, земельно-правовые нормы, феодальная зависимость, социально-экономическое развитие, кавказская администрация, интеграция

Для цитирования: Джабаева Т.Ч. Особенности феодально-крепостнических отношений у народов Северного Кавказа в первой половине XIX века // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. С. 13–21. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-13-21>.

T.Ch. Dzhabaeva

Features of feudal-serf relations among the peoples of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century

Dagestan State University (DSU), Makhachkala, the Russian Federation

Abstract

The first half of the 19th century is a period when the North Caucasus gradually enters the stream of socio-economic and political development of the Russian Empire.

A deep analysis of the features of feudal-serf relations in the North Caucasus is very important and relevant for historical science, since it explains the emergence of problems and contradictions during the period when these regions became part of the Russian Empire, the implementation of peasant reform, the formation of the Russian administration on these lands, and changes in the judicial system.

All levels of the Caucasian administration participated in the preparation and process of integration of the North Caucasus into the Russian legal field. The main purpose of the research is to determine the significance of the social issue in the context of the ethnic component of the region, to study socio-economic and land relations in the North Caucasus, to characterize the social structure of societies.

In the process of research work on the article, methods of comparative historical analysis, synthesis and generalization were used, as well as the principle of objectivity and historicism, which provided the opportunity to analyze various episodes and phenomena from a historical point of view.

As a result of the research the process of collecting information about the history of the emergence and development of feudal relations in the region has been traced, the specifics of land legal norms, their complexity and intricacy have been identified, which determines the existing social structure of societies. Conclusions: the importance of adaptation of the population to new political conditions for further raising the level of socio-economic development of the societies of the North Caucasus has been determined.

Keywords: the North Caucasus, social structure, dependent estates, land legal norms, feudal dependence, socio-economic development, Caucasian administration, integration

For citation: Dzhabaeva T.Ch. Features of feudal-serf relations among the peoples of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No 4. P. 13–21. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-13-21>.

Введение. Феодално-крепостнические отношения у населения Северного Кавказа имели свои характерные черты, что было связано с национальным и социальным составом данных регионов, а также с определенной деятельностью представителей кавказской администрации.

В Осетии, Кабарде, Дагестане и в Адыгее население испытывало различный уровень феодално-крепостнических отношений, который зависел от географического положения региона, земельно-правовых отношений, от исторически сложившихся особенностей социально-экономических отношений, политического статуса феодалных владетелей.

Основная часть. Формирование осетинских поселений на Северном Кавказе началось с середины XVIII века, после присоединения Осетии к России. До начала XIX века у них преобладали феодално-крепостнические отношения, получившие наибольшее развитие в Южной Осетии и в отдельных частях Северной Осетии – в Тагаурии и Дигории.

В Южной Осетии население делилось на два социальных класса – «старшин» (князья или дворяне) и зависимых от них «подвластных людей». Княжеское и старшинское достоинство являлось родовым и не приобреталось ни покупкой, ни другими личными качествами. Крестьянство было представлено несколькими группами – это адамихаты, кумаяги, кусаги и хехесы, отличавшимися друг от друга степенью зависимости от феодалов.

Наиболее значительной была группа адамихатов. Они не были прикреплены к земле и могли переходить от одного феодала к другому, оставив при этом все свое имущество прежнему владельцу. Кроме того, они отбывали натуральную и отработочную повинности.

Кумаяги – это незаконнорожденные дети и потомки феодалов. Они жили при усадьбе феодала, несли повинности и их нельзя было продавать.

Самое тяжелое социальное положение, подобно рабам, было у кусагов – их могли купить, продать, убить.

Хехесы – это переселившиеся в Дигорию крестьяне, которые за пользование землей должны были выполнять определенные повинности.

У осетин шла борьба крестьян против крупных феодалов – бадилятов, которые насильственно захватывали земли в горах и на равнине.

В Тагаурии и Дигории общество делилось на феодалов – алдаров (11 фамилий) и зависимых крестьян – фарсаглагов, кавдасардов и кусагов. Фарсаглаги были самой многочисленной прослойкой крестьян. Не имея собственных земель, они жили на землях феодалов, неся повинности. Кавдасарды, как и дигорские кумаяги, были детьми наложниц со всеми вытекающими обстоятельствами их социального положения.

В Куртатинском обществе Осетии феодалные отношения были аналогичны отношениям в Тагаурии. Здесь имелись те же прослойки крестьян и феодалов, то есть были два сословия – высшее и низшее [1, с. 100].

Высшее сословие состояло из нескольких фамилий, среди которых наиболее привилегированными считались Арисхановы, Гуриевы, Цаликовы и Есиевы. При анализе русско-осетинских отношений эти фамилии часто встречаются в документах. Их положение базировалось на наличии большого количества пахотных земель, которые они сдавали в аренду жителям соседних районов. Были такие роды или фамилии, которые до присоединения к России занимали высокое положение по всей Центральной Осетии и пользовались поддержкой грузинских князей (например, Хетагуровы).

В Джавской котловине, где находилось владение князей Мачабели, каждое семейство до второй половины XIX века обязано было давать ежегодно своему феодалу: три барана, определенное количество коров (в зависимости от размера земельного наделе-

ла) и различные натуральные продукты. Кроме этого, крестьяне отбывали барщину для своего помещика. То есть социальное положение низших сословий было очень тяжелым.

Кроме крепостных крестьян в Южной Осетии были личносвободные люди – хизаны (ушедшие от своих прежних феодалов), но и они выполняли феодальные повинности [2, с. 94].

Острая нужда в земле в горной Осетии ощущалась весь XIX век. Даже переселение значительного числа северных осетин на равнину в поисках земли не решило проблему населения, оставшегося в горах. Земельные участки были дорогие.

В равнинной Осетии крупные феодалы сдавали землю за арендную плату крестьянам [3, с. 67]. Существовало несколько видов арендной платы, например, половина урожая. На равнине аренда все время увеличивалась, особенно во второй половине XIX века, когда широкое развитие получила кукуруза.

Во второй половине XIX века классовая борьба крестьян Осетии особенно обострилась. В 1867 г. здесь было отменено крепостное право и была проведена земельная реформа. Реформа не обеспечила крестьян достаточными наделами и еще более обострила социальный кризис.

Земельная реформа не уничтожила феодальный гнет, так как до начала XX века здесь сохранялись разные виды эксплуатации крестьян. Значительная часть пахотной земли оказалась в руках кулачества, в то время как крестьяне были вообще лишены.

В Кабардинском обществе значительное место так же, как и в Осетии, занимали фамильные группы. Еще до появления русских войск на Кавказе, Кабарда делилась на две части – Большую и Малую. Четыре фамилии – Атажукинские, Мисостовские, Бекмурзинские и Кайтукинские – составляли Большую Кабарду. Последняя фамилия – Таусултановская – составляла Малую Кабарду.

До покорения Кавказа, Кабарда жила довольно замкнутым феодальным строем. Все население делилось на свободных и зависимых. Свободные – это пши-князь, пши-тума – побочные княжеские дети, тлоктлешь – уздень 1-й степени (дворянин), дыженуго, уорк– уздени 2-й степени (рядовые дворяне), беслан-уорк – свободный оруженосец князя, уорк-шаотлехусо – свободный оруженосец узденей, азат – вольноотпущенник, ишикесу – придворная охрана.

Зависимое население делилось на: ог – крестьянин, но обязанный князю службой, логуноут – крепостной, несвободный, унаут – несвободный дворовой.

Однако даже при наличии феодального сословия в Кабарде практически отсутствовала частная собственность на землю. Это объяснялось кочевым образом жизни кабардинцев и правом «сильного». Как правило, лучшие пастбища и зимовники захватывались более сильными. Этот захват пастбищ был временным, по мере надобности аул уходил в другое место, оставив землю для аула другой фамильной группы. Кочевнику-скотоводу было невыгодно иметь постоянные собственные земли. Частная собственность могла бы поставить скотовода в безвыходное положение каждый раз, когда его пастбища приходили бы в негодность или аулы его фамильной группы уходили бы в другое место. Длительность проживания кабардинцев на одной местности составляла от 7 до 20 лет. Таким образом, в этот период никто, в том числе и господствующее сословие, не имело нужды в собственности на землю. До 1868 г. господствующее сословие сохраняло на временной территории права своей фамильной группы.

В первой половине XIX в., постепенно расширяя свои политические права, высшие сословия обзавелись рабами, холопами и поставили в зависимое положение ряд бывших свободных сословий. Рабы и холопы выполняли всевозможные обязанности во дворе своих хозяев, а зависимые

сословия по требованию князя и узденя доставляли все необходимое – скот, просо и прочее. Князья и уздени неограниченно могли распоряжаться жизнью и имуществом своих подвластных, но это не вытекало из их права собственности на землю. Князья владели людьми, а поземельной собственности не имели. Они могли взять у своих подданных безвозвратно все, что им понадобится [4, с. 37].

Зависимость от феодала и выполнение установленных повинностей заключалась в его обязанности по охране фамильной территории. Это право высшие сословия расширяли в течение всего XVIII и первой половины XIX вв., и к этому времени они пользовались широкими политическими правами, но земля их оставалась вне их распоряжения ввиду бесконечных кочеваний его аулов. Осуществить право на землю в подобных условиях было невозможно. Ведь не было главного фактора к закреплению земли – ценности земли. Аулы какой-нибудь фамильной группы (10–25 дворов), истощив свои пастбища, уходили в другое место, с ними уходил и их князь. На новом месте аулы сообща использовали занятые земли, захватывая по количеству скота известные районы пастбищ и зимовок. Этот захват и являлся первым временным правом на землю. Князья и уздени, если имели свои стада, то захватывали лучшие земли. Этот факт подтверждается жалобами и прошениями трудящихся Кабарды в первой половине XIX в.

Изучая материалы XIX века, – жалобы крестьянства, их прошения высшим властям, докладные записки чиновников, особенно «Комиссии по личным и поземельным правам туземного населения Терской области», можно отметить, что красной нитью в них проходит основная мысль – трудящиеся Кабарды находятся в тяжелой кабальной зависимости, и эта зависимость начинает углубляться поземельными отношениями. Более того, кабардинские князья получали дань от

соседних народов, например, от осетин, живущих в горах, якобы за то, что данные земли издревле принадлежали кабардинцам [5, с. 866].

Все доводы князей и узденей об их историческом праве на землю не имели никакой почвы. Частная собственность на землю не могла образоваться при постоянном передвижении аулов с одного места на другое. Земля находилась в общинном владении фамильных групп.

Аулы Кабарды стали оседать лишь во второй половине XIX века. Указания князей и узденей на то, что вследствие бесконечного кочевания их аулов, они (князья) утеряли все документы, подтверждающие их исторические права на землю, еще раз убеждают нас в том, что земля находилась в общинном владении фамильных групп.

Права собственности на землю местное высшее сословие получило позже благодаря вмешательству русских властей, которые, игнорируя местные земельные отношения и обычаи, дарили народные земли князьям за всякую услугу.

В 1867 г. были освобождены зависимые сословия, общей численностью до 21 000 душ обоего пола. Всего же население Кабарды к этому времени составляло 59 453 души обоего пола, – следовательно, независимые сословия составляли почти 2/3 населения.

В Дагестане социально-экономическое развитие также отличалось неоднородностью. Более развитые феодальные отношения наблюдались в низменном Дагестане, соответственно здесь развивалось земледелие и садоводство [6, с. 120]. Здесь же население делилось на классы феодалов и крестьян, чего не скажешь о горной и высокогорной зонах Дагестана [7, с. 99, 104–105, 108].

Среди феодалов на первом месте стояли владетельные князья, которые носили титулы: хана, нуцала, шамхала, уцмия, майсума, кадия. За ними следовали беки (родственники феодалов), чанки – дети

ханов и беков от неравных браков, духовенство и первостепенные уздени.

Социальный статус феодалов отличался в разных обществах. Он зависел от общественных отношений, обычаев общества или владения и наличием определенной величины материального ресурса – земли.

В низменной части Дагестана, в отличие от горной части, ввиду наличия пахотной земли, феодальные отношения были более развиты. Здесь была определена более четкая градация населения с несением установленных повинностей.

Основной частью дагестанского крестьянства были уздени.

В нагорной части Дагестана – в Аварии, Даргинии, Казикумухском владении, Верхнем Кайтаге и Табасаране, в верхнем течении Самура – узденство было более однородным по своему составу. Оно было личносвободным и несло своему беку некоторые повинности (если жили в управляемых беками аулах) или не несли никаких повинностей (если жили в вольных обществах или аулах) [8, с. 23].

В низменном Дагестане уздени делились на просто уздени (второстепенные уздени), или догерек-уздени (круглые уздени), и азат-уздени (вольнотпущенники). Догерек-уздени, не имея собственной земли, должны были работать на землях феодалов, платить им подати и нести в их пользу повинности. Подобно адамихатам Южной Осетии, за ними признавалось право свободного перехода от одного феодала к другому, но это было связано с лишением узденя части имущества [9]. Освободившиеся крепостные крестьяне пополняли категорию азат-узденей.

Чагары и раяты были наиболее зависимым сословием, находящиеся в полной личной и поземельной зависимости от феодалов. Соответственно, они не имели никаких прав на землю, им отведенную, и при отчуждении этой земли владельцем могли сохранить за собой то имущество, которое было приобретено ими лично [10, с. 113].

В 1847 г. было утверждено Положение о поземельных правах феодальных владельцев. Этот документ юридически закрепил крестьян к определенному наделу, но сохранил право свободного перехода. До этого положения официально крестьяне не были прикреплены к феодалу [7, с. 390]. В целом, так же, как и в Осетии, жители горного Дагестана испытывали острый недостаток земли.

Население Дагестана, которое уже терпело феодальный гнет со стороны представителей высшего сословия, иногда со стороны духовенства, а также зажиточной верхушки аула, вынуждено было ощущать и гнет царизма. Обедневшие слои населения попадали в кабальную зависимость. Обезземеливанием была вызвана деградация местных промыслов. Вследствие чего большое развитие получило отходничество.

Что касается уровня феодально-крепостнических отношений адыгов, отметим, что здесь оно носило несколько иной характер. Прежде всего население делилось на «аристократическое» и «демократическое». К «аристократическому» относились бесленеевцы, темиргоевцы, бжедуги, хатукаевцы, махошевцы, егерухаевцы, адемиевцы, жанеевцы и кабардинцы. К «демократической» группе относились абадзехи, шапсуги и натухайцы. Различие между ними заключалось в том, что у «аристократических» субэтносов сохранялось княжеское управление, в то время как у абадзехов, шапсугов и натухайцев власть феодальной аристократии была свергнута в результате демократического переворота конца XVIII в. [11, с. 85–86].

Феодальное сословие было представлено князьями (пши), султанами-хануко и дворянами (уорки).

Формы землевладения, как рычаги правления и власти, были разные, но господствовала феодальная форма собственности на землю.

Крестьянство делилось на незакрепощенное (но политически и экономически

зависимое от феодала) – тфокотли, вольноотпущенники – азаты и крепостные крестьяне – пшитли и оги. Их социальный статус регулировался нормами обычного права [12, с. 305]. Власть князей распространялась на всех них. К работе они привлекали крепостных, которых нещадно эксплуатировали, но также могли привлечь и свободных крестьян-тфокотлей. Они могли также брать у тфокотлей подвластных аулов скот, оружие и все, что понравится. Нередко князья и дворяне занимались набегами. Источником обогащения князей были также штрафы за проступки, взыскание пошлин с купцов, которые хотели торговать в их владениях.

Отметим, что большинство тфокотлей представляло собой самостоятельных собственников, независимых от знати. К тфокотлям были близки по своему правовому положению вольноотпущенники – азаты, которые были освобождены по выкупу или по доказательству, что их незаконно закрепостили.

Самой эксплуатируемой категорией крестьян были пшитли. Они несли отработочную, натуральную и денежную ренты. Немного лучше было положение у огов. Их собственность была неприкасаемая и феодал не имел права претендовать на нее. В отличие от пшитлей, оги жили отдельными дворами вне господской усадьбы, имея свое собственное хозяйство. Они несли только продуктовую и отработочную ренты. Кроме того, существовала наиболее угнетенная прослойка населения (рабы) – это унауты.

Заключение. Степень феодально-крепостнических отношений у народов Северного Кавказа зависела от местности, земельно-правовых норм, отражающих уровень зависимости и норм обычного права. Царизм понимал, что нужно прикрепить население к земле, сделать его менее подвижным. Кроме того, правильно распределив землю, можно было заложить основы материального улучшения быта населения. Но фактически, исходя из вышеизложенного, основательно решить земельный во-

прос пока не представлялось возможным. Царизм ограничивался только временными распоряжениями соответственно обстоятельствам. Однако в попытках разрешить земельный вопрос на Северном Кавказе не было недостатка. Для этого учреждались особые комиссии и комитеты, готовились проекты и т. д.

Администрация столкнулась с массой проблем, связанных со своеобразием населения Кавказа. Свообразие заключалось в многонациональности региона, с наличием у каждой народности своих самобытных обычаев, а также с наличием твердого духа и чувства собственного достоинства. И подчинить такой народ было очень трудоемкой задачей. Вникать в обычаи каждой народности, исследовать их быт и устои для российской администрации было практически невозможным. Затруднения, в том числе, заключались в том, что у большей части населения Северного Кавказа если и существовала земельная собственность, то она выступала в качестве собственности всего общества, что было обусловлено сложными народными обычаями. К примеру, во многих обществах существовал обычай, в котором земли, – точно так же, как воздух, вода и лес, – общественное достояние и пользоваться ими может каждый без всякого ограничения [13, с. 320]. Более того, существовали определенные социально-политические взаимосвязи между владениями и обществами Северного Кавказа, которые также подверглись коррективам с установлением российской власти [14, с. 79–114].

Во всех регионах Северного Кавказа общество делилось на привилегированное и зависимое сословия, однако сословные категории отличались как своей численностью, так и степенью зависимости. Российская администрация, осознавая ментальную сложность, неоднозначность и запутанность социально-правовых норм в каждом регионе, старалась стратегически верно проводить политику на местах посредством местной элиты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Скитский Б. Очерки по истории осетинского народа. [Ч. 1]. С древнейших времен до 1867 года. Т. 11. – Дзауджикау, 1947. – 194 с.
2. Ванеев З.Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX веке. – Сталинири: Госиздат Юго-Осетии, 1956. – 469 с.
3. Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). – М.: Наука, 1967. – 247 с.
4. Население и землепользование Кабарды // Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды / под ред. проф. А.Н. Минина. Т. 2. – Воронеж, 1928. – 191 с.
5. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией: в 12-ти т. Т. 7 / под общ. ред. А.Д. Берже. – Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1878. – 1011 с.
6. Гасанов М.М. Земельно-правовые отношения и аграрная политика царизма в Дагестане в 19 веке. – Махачкала, 2005. – 256 с.
7. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. – 408 с.
8. Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. – М.: Наука, 1965. – 369 с.
9. Газета «Кавказ». Вып. № 42. – Тифлис, 1848.
10. Гаджиева С.Ш. Кумыки (историко-этнографическое исследование). – М.: Академия Наук СССР, 1961. – 388 с.
11. Хан-Гирей (1808–1842). Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.
12. Хан-Гирей. Избранные произведения. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 335 с.
13. Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. – Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1869. – 401 с.
14. Боров А.Х., Е.Г. Муратова, Ю.М. Азикова. Социально-политические взаимосвязи владений и обществ Центрального Кавказа в XVI – первой трети XIX вв.: документальный обзор // Кавказология / Caucasology. 2020. № 1.

REFERENCES:

1. Skitsky B. Essays on the history of the Ossetian people. [Ch. 1]. From ancient times to 1867. V. 11. Dzaudzhikau, 1947; 194.
2. Vaneev Z.N. The peasant question and the peasant movement in the South Ossetia in the 19th century. Staliniri: State Publishing House of South Ossetia, 1956; 469.
3. Kaloev B.A. The Ossetians (historical and ethnographic research). M.: Nauka, 1967; 247.
4. Population and land use of Kabarda // Proceedings on the natural-historical and economic survey of Kabarda / ed. by prof. A.N. Minin. V. 2. Voronezh, 1928; 191.
5. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes. V. 7 / under general ed. of A.D. Berger. Tiflis: Publ. house of the Ch. ex. Viceroy of the Caucasus, 1878; 1011.
6. Gasanov M.M. Land legal relations and agrarian policy of tsarism in Dagestan in the 19th century. Makhachkala, 2005; 256 .
7. Magomedov R.M. Socio-economic and political system of Dagestan in the 18th – early 19th centuries. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1957; 408.
8. Osmanov G.G. Socio-economic development of the Dagestan pre-collective farm village. M.: Nauka, 1965. 369 p.
9. Newspaper «The Caucasus». Vol. No. 42. Tiflis, 1848.
10. Gadzhieva S.Sh. The Kumyks (historical and ethnographic research). M.: Academy of Sciences of the USSR, 1961. 388 p.
11. Khan-Girey (1808–1842). Notes about Circassia. Nalchik: Elbrus, 1978; 333.

12. Khan-Girey. Selected works. Nalchik: Elbrus, 1974. 335 p.

13. Gavrilov P.A. The structure of the land life of the mountain tribes of the North Caucasus // Collection of information about the Caucasian highlanders. Vol. 2. Tiflis: Publ. house of the Ch. ex. Viceroy of the Caucasus, 1869. 401 p.

14. Borov A.Kh., Muratova E.G., Azikova Yu.M. Socio-political relationships between the estates and societies of the Central Caucasus in the 16th – first third of the 19th centuries: a documentary review // Caucasology. 2020. No. 1.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Тahмина Чарагановна Джабаева, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России исторического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Российская Федерация
e-mail: tahmina.dj@mail.ru
тел.: +7 (928)5511661

Information about the author

Tahmina Ch. Dzhabaeva, PhD (Hist.), Associate Professor, the Department of History, the Faculty of History, FSBEI HE «Dagestan State University», Makhachkala, the Russian Federation
e-mail: tahmina.dj@mail.ru
тел.: +7 (928)5511661

Поступила в редакцию 07.08.2023

Поступила после доработки 29.09.2023

Принята к публикации 30.09.2023

Received 07.08.2023

Revised 29.09.2023

Accepted 30.09.2023